

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. Г. Делягин

Государство между народом и бизнесом

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Delyagin_2008_3.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ГОСУДАРСТВО МЕЖДУ НАРОДОМ И БИЗНЕСОМ

М.Г. Делягин

ГАРМОНИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ БИЗНЕСА И НАСЕЛЕНИЯ - УСЛОВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Развитие страны определяется взаимодействием государства, бизнеса и населения, причем образы действия и краткосрочные интересы двух последних различаются. Бизнес стремится к эффективности - к концентрации благ у наиболее успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется идеологией свободной конкуренции и погони за эффективностью — либерализмом. Население же органически стремится к справедливости - к более равномерному распределению благ. Его естественная идеология — социализм. В социально-экономической сфере других идеологий нет: им неоткуда взяться так же, как на Земле неоткуда взяться Восточному или Западному полюсам.

134

Полюсов в общественном развитии есть только два: эффективность и справедливость. И, поскольку слишком последовательная реализация каждого из них доводит их до абсурда и порождает катастрофу, государство призвано гармонизировать эти текущие интересы ради долгосрочного успеха всего общества. Разные этапы развития общества требуют разных пропорций между эффективностью и справедливостью, либерализмом и социализмом. Соответственно, сменяются и стоящие у власти политические силы.

Общий принцип гармонизации интересов бизнеса и населения прост, хотя и выработан развитыми обществами в социально-управленческих муках. Во внешнем мире государство должно реализовывать интересы национального бизнеса как наиболее активного и творческого элемента общества, поддерживая и частично направляя его экспансию, рассматривая ее как инструмент развития экономики и повышения благосостояния. Внутри же своей страны, где нет основания для агрессий, в том числе коммерческих, оно должно поддерживать население с его стремлением к справедливости и более равномерному распределению ресурсов, так как расколотое общество не может быть конкурентоспособным.

Справка. Классический пример ориентации на интересы бизнеса во внешней политике и населения во внутренней — отношение государств к форме собственности на нефтяные компании.

При добыче в своей стране, когда нужно справедливо распределить природные блага, добывающие компании, как правило, принадлежат государству.

Добыча же за границей требует экспансии — и частных компаний. В этом случае значимо и то, что частным компаниям легче получить доступ к освоению месторождений за границей, чем государственным, так как в последнем случае угроза утраты суверенитета более очевидна.

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич, доктор экономических наук, директор Института проблем глобализации.

Издержки для бизнеса окупаются эффективностью государства, способного обеспечить выполнение "правил игры" внутри страны и его внешнюю экспансию, за счет чего он получит больше, чем потеряет от внутренних ограничений. Пример такого самоограничения бизнеса на внутренней арене — согласие на антимонопольное регулирование.

Поощрение государством внешней экспансии бизнеса в обмен на его согласие с приоритетностью интересов населения внутри страны — единственный способ гармонизации интересов бизнеса и населения. Увы — такое гармоничное развитие доступно лишь немногим странам. Ведь внешнюю экспансию — условие внутренней гармонии общества — не могут вести разом все страны. Кто-то будет ее победоносным субъектом, а кто-то объектом, не только лишенным возможности гармонизации бизнеса и населения, но и сталкивающимся с проблемами, порожаемыми внешней экспансией. Путь гармонизации населения и бизнеса для этих стран означает объединение их усилий в защите от внешней экспансии для сохранения в стране большей доли ресурсов и направления их на собственное развитие и лишь потом — на внешнюю экспансию своего бизнеса.

НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Государство создано обществом для решения всех непосильных для него задач. Именно поэтому общество терпит государство с его меньшей (по сравнению с бизнесом) эффективностью: необходимое лучше сделать плохо, чем не сделать вовсе.

Неотъемлемые функции государства очевидны:

- установление правил и обеспечение их соблюдения (поэтому как вид бизнеса возможна частная тюрьма, но не частный суд);
- обеспечение безопасности в широком смысле, включая поддержание устойчивости природной, технологической и социальной среды;
- стратегическое планирование;
- критически значимая часть социальной помощи.

В зависимости от уровня развития общества государство оказывает ему услуги, которые то постепенно должно научиться оказывать себе само, в первую очередь реализацию долгосрочных и капиталоемких проектов, непосильных для бизнеса, и создание новых технологий, включая фундаментальную науку.

Самый эффективный способ создания новых технологий — как ни прискорбно, военные расходы: только первичный страх смерти побуждает рыночные общества к столь нерыночным действиям, как финансирование исследований с неизвестным результатом.

В 1990-е годы ослабление международной напряженности позволило использовать страх смерти для создания новых технологий в смягченной форме — через исследования в сфере здравоохранения. Но именно из-за смягченного страха смерти они оказались менее эффективными, чем военные, — и в конце 1990-х годов последние из-за возрастания международной напряженности [см. Делягин 2003] вновь стали расти.

Сфера влияния государства сужается по мере развития общества: последнее справляется со все большим числом функций. Соответственно, чем ела-

бее общество, тем шире поле деятельности государства. Последнее испытывает соблазн ослабить общество ради расширения своего влияния, что подрывает эффективность. Функция бизнеса — не дать государству остановить развитие общества и окостенеть.

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Вне критических общественно-политических ситуаций бизнес несравнимо активнее, сознательнее и организованнее населения. Поэтому государство должно в первую очередь выстраивать отношения именно с ним, но при этом нельзя не учитывать позицию населения, этого великого и обычно безмолвствующего субъекта политической жизни. *Население становится народом, лишь когда неэффективность государства вынуждает его выходить на политическую сцену и на время возвращать себе ряд функций управления, ранее делегированных государству.*

Если власть перестает ощущать свою ответственность перед населением, она утрачивает эффективность, и народу приходится поправлять ее доступными ему методами — от анекдотов до революции. Утрачивая ответственность перед населением, государство лишается единственного оправдания своего существования, а вместе с тем — единственно возможной точки опоры в отношениях с бизнесом. В результате оно либо подчиняется ему, либо само подчиняет его себе.

136

Подчинение государства бизнесу, помимо расцвета коррупции, превращает его в инструмент реализации коммерческих интересов, как было в 1990-е годы в России, и как продолжается в сфере социально-экономической политики и поныне. В этих условиях, в силу несовпадения интересов бизнеса и общества, государство перестает *de facto* выполнять свои функции и его существование утрачивает общественный смысл.

Подчинение же бизнеса государству душит творческий потенциал общества, разрушая его конкурентоспособность.

Лишь если государство опирается на население, оно может говорить с бизнесом с единственной конструктивной "позиции силы" — от имени остального общества, выполняя свою функцию стратегического планирования и формулировки правил, необходимых для достижения намеченных им целей.

После этого главной проблемой становится механизм определения национальных интересов. Идеальный пример — США, достигшие глобального лидерства за счет симбиоза государства и корпораций. При решении коммерческих задач государство выступает в роли "младшего партнера", а в остальных случаях в роли ведомого выступает бизнес. Их симбиоз реализуется в постоянном персональном взаимодействии, в котором пресловутые лоббисты играют ограниченную роль.

Ключ к американской системе — ротация высших управленцев между государством и бизнесом. Она не просто обеспечивает единство интересов и взаимопонимание бизнеса и государства (что, конечно, усиливает требования к ограничению коррупции), но и погружает их в единое кадровое пространство. Главный механизм объединения государства и крупного бизнеса США — аналитическое сообщество, которое выросло из антикризисных подразделений корпораций, вынужденных преодолевать кризисы сначала на уровне предприя-

тий, затем отраслей, а со времен Великой депрессии - всей страны. Оно сохранило связь с корпорациями, финансируясь ими и обслуживая их интересы; в качестве аналитических структур, находящихся на их содержании и "сопровожающих" поддерживаемые теми политические партии. Победа политика на выборах ведет к переходу в его аппарат сотрудников этих структур, но они знают, что это - временно, и сохраняют "базу" в негосударственных аналитических структурах. Последние становятся подлинным "мозгом" государства. Решения, реализуемые госаппаратом, разрабатываются на деньги корпораций при помощи коммерческих технологий управления и с коммерческой эффективностью, что повышает эффективность государства. Аналитическое сообщество *соединяет корпорации и государство в единое целое.*

Американский путь отличается от характерной для неразвитых стран "олигархии" тем, что сращивание государства и корпораций идет на базе не узкокорыстных интересов корпораций, а совместного осознания стратегических интересов. Вместо того, чтобы сначала порознь выработать различные системы корпоративных и государственных интересов, а затем мучительно приспособлять их друг к другу при помощи громоздкой политической машины, США посредством аналитического сообщества изначально вырабатывают национальные интересы как единые для бизнеса и государства. Это смягчает противоречия и повышает осознанность развития, а с ним — и конкурентоспособность общества.

Перенос этого механизма на отечественную почву — условие модернизации.

СПЕЦИФИКА РОССИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРУПНОГО БИЗНЕСА

Крупный российский бизнес возник не из самодеятельности жаждущих обогащения масс, - из нее возникло лишь кооперативное движение, подавленное и оттесненное на второй план спекуляциями 1990-х годов.

Как только после смерти Сталина советских чиновников перестали расстреливать, они сложились в замкнутый социальный слой, — партхозноменклатуру. Попытка Хрущева вновь подчинить ее политическому руководству потерпела крах, и при Брежневе этот слой завершил свою эволюцию, осознав свои интересы: желание присваивать блага, которые он перераспределял. Для его представителей производство и созидание в целом не были первоочередной целью и ценностью. Несмотря на глубокие производственные и организационные знания, они воспринимали производство как некий природный процесс, происходящий сам по себе, помимо стратегического управления. Их целью была не новая модернизация страны, которая при Брежневе уже назрела, но личное потребление. Эта цель была актуализирована крахом "ускорения социально-экономического развития" и ряда локальных попыток поддержки системы (включая кампании по борьбе с пьянством и "нетрудовыми доходами").

Необратимый шаг к катастрофе был сделан в 1987 г., с одновременным появлением кооперативов, бирж и отменой монополии внешней торговли.

¹ Соответствующая политика предусматривала, как это было по инерции объявлено на последнем съезде КПСС, не только обеспечение каждой советской семьи отдельной квартирой к 2000 г., но и двукратное увеличение к тому времени национального дохода — "удвоение ВВП" на современном политическом языке.

С системой централизованного распределения начала жестко конкурировать более эффективная не рыночная, но коррупционная система, перепродающая по свободным ценам продукцию, полученную по фиксированным ценам. Функцию перекачивания на рынок со свободными ценами централизованно выделяемых материальных ресурсов выполняли кооперативы. Биржи позволяли формировать из этих ресурсов крупные товарные партии, а отмена монополии внешней торговли обеспечивала их частный сбыт за рубежом с присвоением колоссальной разницы между внутренними и мировыми ценами.

С отменой монополии внешней торговли — без чего эта система не развернулась бы из-за ограниченности спроса внутри страны — в отечественной экономике возникла "черная дыра", всасывающая в себя все ресурсы, уходящие теперь на мировой рынок, и разрушающая прежнюю приблизительную сбалансированность хозяйства. На смену производительной экономике пришла "экономика трубы", ориентированная на вывоз ресурсов. И чем ниже была степень их обработки, тем выше была эффективность (прибыльность) вывоза. Причина тому — не только сравнительная неэффективность советской экономики, но и принципиальная несовместимость советских и западных технологий, что формировало спрос преимущественно на советское сырье, но не на полуфабрикаты.

Эта разрушительная для СССР практика в целом сложилась стихийно, но поскольку в основе ее лежали очевидные массовые интересы, она оказалась эффективной и затем использовалась, совершенствуясь стратегическими конкурентами СССР.

138

При разбалансировке системы главный удар приходится по ее слабым местам, в СССР таким слабым местом оказался потребительский сектор. Ему не хватало ресурсов, так как государство продолжало концентрировать их в ВПК, и даже в больших, чем раньше, размерах, потому что именно из ВПК, пользуясь его закрытостью, было удобней всего перебрасывать их на экспорт. Относительно дорогой импорт вымывал из оборота дешевую советскую продукцию (которой становилось невыгодно торговать), что, в свою очередь, лишало советского производителя средств.

У населения (работающего в основном именно в производстве, ориентированном на внутренний рынок) не оказывалось денег на дорогую продукцию, — а дешевой не было. В обществе нарастала социальная напряженность, которая усугублялась проблемами и социально-психологическими комплексами, связанными с уходом СССР из Восточной Европы, а также внутренним разложением.

Развитие материального стимулирования при сохранении системы централизованного распределения натуральных ресурсов как основы политической власти привело к переизбытку наличности и разрушению потребительского рынка.

Государство не сопротивлялось деструктивным тенденциям, так как обогащения жаждало большинство образующих его элементов. В итоге советская экономика рухнула, разорвав страну и похоронив под своими обломками обрушивший ее своей жадностью класс присваивающих чиновников — партхозноменклатуры.

Возник вакуум власти. Наиболее массовыми и прибыльными видами бизнеса стали торговля и валютные операции. Социальная структура общества была размолота в пыль. Люди, которые в этих условиях держались "на гребне волны" и, зарабатывая деньги, успевали думать о будущем, понимали: получение денег - это не результат, а процесс, и, в отличие от партхозноменклатуры, хотели их зарабатывать. Для этого надо было владеть заводами, тогда в большинстве своем еще работавшими.

Политики-демократы, неожиданно для себя оказавшиеся на вершине дрожащей и раскачивавшейся административно-управленческой пирамиды, отчаянно нуждались в поддержке бизнеса и бросились в его объятья.

Главная цель ваучерной приватизации, как это было торжественно признано по ее окончании, — передача директорам (на следующем историческом витке заклеянным эпитетом "красные", но тогда еще являвшимися союзниками демократов) в собственность управляемых ими заводов.

Начав формирование фондового рынка и слоя фондовых спекулянтов, создав возможность при помощи скупки акций устанавливать контроль за активами, ваучерная приватизация начала формирование широкой и щедрой социальной базы либеральных реформаторов, которые пошли навстречу бизнесу не только в приватизации, но и во всей социально-экономической политике. Они были слабы, госаппарат частью разрушен, а частью враждебен, и нуждались в любой поддержке — особенно со стороны бизнеса, который мог дать деньги, нужные как для политической деятельности, так и для личного обогащения.

В результате сложные меры по развитию страны и поддержанию уровня жизни стали непосильны для реформаторов и, сдерживая спекуляции, грозили поссорить их с их единственной социальной опорой. Да и сама направленность мер по развитию перекликалась с практикой только что уничтоженной советской власти и потому была идеологически неприемлемой. Это обусловило проведение идеологизированной, жестокой и неадекватной социально-экономической политики, вызвавшей разрушительный политический кризис. Именно он в итоге и покончил с демократией в России как системой, при которой государство стремится учитывать настроения и интересы населения, а последнее способно принудить его к этому.

Новое российское государство сложилось в ходе расстрела Белого дома в октябре 1993 г. (когда силовые структуры подчинились президенту, повязав себя кровью), без поддержки народа и вопреки воле народа, - и осталось с бизнесом один на один, обрекая себя на неэффективность.

Раздача льгот, начавшаяся еще в 1991 г. (когда российские власти переманивали в свою юрисдикцию заводы, устанавливая налоги ниже общесоюзных, разрушая финансовую базу противостоящих им союзных властей, а заодно и всего СССР), достигла максимума в 1993-1995 гг.: государство пыталось превратить бизнес в политическую опору. При этом оно ставило в невыгодное положение и отторгало честный бизнес, развивавшийся на собственной основе и избегавший сращивания (как правило — на основе коррупции) с государством. Честный бизнес, конечно, продолжал развитие, но оттеснялся бюрократией на второй план. Ответственность за такое положение дел всецело лежит на правящей бюрократии, ибо условия, при которых лидерство в бизнесе редко возможно без коррупции, создавала именно она. В созданных условиях чест-

ный бизнес не мог выдержать конкуренции с коррупционерами и олигархами и потому в целом не добился значимого политического влияния.

Перед парламентскими выборами 1995 г. стало ясно, что поддержка мелких бизнесменов, да еще и существующих за счет льгот, не просто дорога, но и ненадежна. Реформаторам нужен был крупный бизнес (которого тогда почти не было), обладающий мощностью, достаточной для противодействия народу, и привязанный к ним, что требовало постоянства направляемых в его поддержку финансовых потоков, их подконтрольности и защищенности.

Решение было предложено бизнесменами и заключалось в залоговых аукционах, дававших бизнесу в собственность крупнейшие и наиболее прибыльные госпредприятия, играющие большую социальную роль. По этой причине их развал был неприемлем для государства, что отчасти защищало их владельцев от возможного государственного произвола. Вместе с тем, так как сроки возврата залога государством истекали после президентских выборов, при смене власти собственность могла быть изъята у новых хозяев почти без затрат и легитимно. Грабительский характер залоговых аукционов и массовые нарушения при их проведении, делавшие легитимность сделки сомнительной, обеспечивали лояльность новых собственников реформаторам. Выбор этих собственников также был просчитан реформаторской властью: крупнейшие банкиры обладали наибольшими ресурсами и доказали свою эффективность.

140

Расчет оправдался: победители залоговых аукционов стали опорой реформаторов и помогли им выиграть выборы 1996 г. — и за это государству пришлось расплатиться с ними еще раз. После выборов главным бизнесом стало растаскивание бюджета с использованием госбумаг, взаимозачетов и кредитования бюджетных расходов. Результат был закономерен — дефолт и девальвация, не только финансовый, но и идеологический кризис. Перед страной второй раз за 1990-е годы возник призрак хозяйственного коллапса.

Напуганное руководство передало бразды правления группе старых советских управленцев, наспех разбавленной бизнесменами, — правительству Примакова. Отменив наиболее разрушительные меры, направленные на благополучие крупного бизнеса за счет остальной экономики (процедуры ускоренного банкротства, замораживания средств госбюджета в частных банках и т.д.), заморозив тарифы естественных монополий (простой просьбой об обеспечении их финансовой прозрачности), государство быстро стабилизировало ситуацию и начало восстановление экономики.

В конце апреля 1999 г. делегация во главе с Ю.Д. Маслюковым успешно завершила переговоры с МВФ, вырвав у того разрешение на масштабное государственное стимулирование инвестиций, позволявшее начать модернизацию. Тем самым правительство подписало себе приговор, ибо до того одна из важнейших функций президента заключалась в защите правительства либо от народа, либо от Запада. Получив поддержку и России, и МВФ, Примаков помимо своей воли сделал президента Ельцина стратегически ненужным и потому был отправлен в отставку. Но дело было сделано: после преодоления негативных последствий девальвации "заработали" ее позитивные моменты — рост экспорта и импортозамещение. На этой волне поднялся новый бизнес, уже не спекулятивный, но производственный, даже если во главе этого бизнеса стояли прежние олигархи.

Новые олигархи по-прежнему получали значимую часть прибыли, контролируя государство, но в несравнимо меньших масштабах и преимущественно созидая, а не разрушая. Их интересы как производителей стали ближе к интересам страны, что стимулировало оздоровление бизнеса. Переформатирование крупного бизнеса позволило государству выйти из его подчинения, не попав под контроль региональных элит. Главным инструментом освобождения стала прямая апелляция к народу в ходе второй чеченской войны, пробудившая массовый патриотизм и вернувшая людям чувство гордости за свою страну. В результате коммерческие олигархи эпохи Ельцина перестали определять политику государства, сохранив лишь участие в формировании экономической "повестки дня".

СПЕЦИФИКА России: происхождение силовой олигархии

"Бригада", частью поглотившая, а частью вытеснившая "семью" из власти, вызрела в недрах ельцинской системы. Отрицая практику 1990-х годов по форме и риторике, путинский режим по сути своей стал реинкарнацией ельцинизма в новых, более благоприятных условиях.

Генезис силовой олигархии прост. В 1990-е годы бизнесмены нуждались в силовом обеспечении своих операций — от личной защиты до нападений на конкурентов. Наиболее значимые капиталы создавались без применения силы, за счет захвата госсобственности или перераспределения финансовых потоков государства, но преступность и беззаконие создавали потребность в частных силовых подразделениях. Бизнесмены соревновались друг с другом в переманивании отставников, но скоро поняли: ценность представителей силовых структур — в самой их принадлежности к этим структурам. Переход в коммерческие организации сокращал их возможности, так как они теряли способность использования государственных полномочий. Поэтому значительная их часть, оставаясь на госслужбе, работала на бизнес не только за деньги, но и за помощь в карьере.

Первой задачей, решенной этой социальной группой в масштабах страны, стала "зачистка" "дикой" оргпреступности, не связанной с коммерческой олигархией и опасной для нее. Одержавшие эту победу группы силовиков, воодушевленные, повысившие свой материальный уровень и служебный статус, начали осознавать и реализовывать собственные групповые интересы. Это породило "поход чекистов за собственностью" — установление контроля над предприятиями, тогда еще в основном среднего уровня, но уже в интересах самих сотрудников спецслужб, а не олигархов. Группировки, сложившиеся в силовых структурах, начали создавать свою финансово-экономическую базу, не зависящую от чужой милости, сделав ключевой шаг уже не только к коммерческой, но и к политической самостоятельности. По данным некоторых исследований, в массовом порядке этот шаг был сделан в середине 1998 г.

Синхронизация этого процесса с назначением будущего президента Путина директором ФСБ (июль 1998 г.) не должна трактоваться вульгарно, как своего рода проявление "роли личности в истории": мол, пришел Путин, и научил "чекистов" *крышевать* бизнес не только для других, но и для себя.

Такой подход неверен не только в силу циничного упрощенчества, но и из-за несоответствия фактам. Так, контроль над бизнесом для себя примерно в сере-

дине 1998 г. начали устанавливать представители не только ФСБ, но и других силовых структур, к руководству которыми будущий президент отношения не имел. То, что при этом в этих структурах не происходило смены руководства, подчеркивает глубинный, естественный характер данной трансформации.

Приход Путина в ФСБ сопровождался ее жесткой перетряской. Дефолт отвлек от нее внимание общества, но задним числом можно уверенно констатировать: усилия нового директора были направлены на реструктуризацию службы, а не на взаимодействие ее внутренних группировок с бизнесом. Поэтому Путин вряд ли был дирижером пробуждения "силового самосознания" и перехода силовиков с позиций обслуги коммерческой олигархии на позиции субъекта политики. Похоже, Путин стал не только наиболее высокопоставленным, но и наиболее адаптивным выразителем этой тенденции. Не он ее создал, но, вероятно, он ее "оседлал" и возглавил. Это произошло вовремя: дефолт резко изменил характер формирования крупных капиталов.

Созданная либеральными реформаторами и действовавшая все 1990-е годы модель обогащения (за исключением ряда изощренных творческих находок, еще ожидающих своих исследователей) сводилась к разграблению государства. Когда в ходе залоговых аукционов наиболее привлекательные куски собственности были оторваны от государства, пришло время прямого изъятия денег: помимо ГКО, стоит вспомнить "коммерческое кредитование бюджетополучателей", обходившееся последним потерей до 30% бюджетных средств, а также выпускаемые госчиновниками "параллельные деньги" (казначейские обязательства и налоговые освобождения). Концентрация интересов коммерческой олигархии на операциях с бюджетом привела к тому, что (с долей упрощения) можно охарактеризовать словами "бюджет был украден почти весь". Не платить населению было привычно, но отсутствие денег для уплаты внешним кредиторам в ситуации внешнего управления потребовало формального дефолта. В силу безответственности реформаторов он перерос в катастрофическую девальвацию и дезорганизацию сначала расчетов, а затем и всей экономики.

142

Когда страна отползла от края пропасти, характер формирования крупных капиталов изменился кардинально: у государства уже не было "свободного" имущества и бесхозных финансовых потоков, а девальвация и ряд шагов правительства Примакова создали условия для восстановления производства. Впервые за время реформ вновь стало выгодно производить. Главным способом зарабатывания больших денег вместо перехвата финансовых потоков государства и функционирующих предприятий стал контроль над производством. Крупный бизнес двинулся в регионы.

О законности в схватке всех со всеми думали мало, но юридическое оформление приобретений стало важной задачей. Ведь производство, в отличие от спекуляций, требует юридической защищенности. Поэтому роль государства на этом новом этапе повысилась: захват собственности нуждался в официальном государственном признании. "Войны за собственность" шли прежде всего с использованием государственных инструментов, включая возбуждение уголовных дел. Это превращало силовые структуры в ключевого участника процесса. Представители силовых группировок, осознавших свои интересы, стали задумываться о конвертации возросших возможностей во власть, остающуюся источником и гарантией собственности. Путин был

выдвинут в президенты не представителями этих групп: они были еще слабы и раздроблены, но, нуждаясь в социальной и административной основе для освобождения от контроля коммерческой олигархии, он возглавил и катализировал формирование силовой олигархии и рост ее самосознания.

Процесс этот шел быстро. Силовые структуры начали перехват общественно значимых функций по регулированию экономического оборота, на низовом уровне выполнявшихся оргпреступностью. Это одна из важнейших функций государства. Оргпреступность не стала государством не потому, что не была способна осознать подобную задачу, но из-за образа действия: она выполняла функции государства по регулированию общественной жизни не ради общества, но исключительно в собственных корыстных целях. Силовые олигархи вырвали эту функцию из рук преступных сообществ, - но также в эгоистических, а не общественных целях. В результате они победили оргпреступность, но не нормализовали развитие, а лишь сами заняли соответствующее место.

До завоевания силовой олигархией власти расширение контроля ее представителей над бизнесом шло "в тени" основного процесса - реструктуризации коммерческой олигархии. Ее представители, не сумевшие переориентироваться со старой, спекулятивной модели развития на новую для них модель "производящей" экономики, вытеснялись "молодыми волками".

После концентрации представителями силовой олигархии политической власти и быстрой политической победы над губернаторами, бывшими противниками как коммерческой, так и силовой олигархий, возник вопрос о власти. Коммерческая олигархия, привыкшая рассматривать силовиков как услугу, не успела осознать стремительность их усиления. Но главная причина ее поражения - в ее удаленности от рычагов госуправления и прежде всего, насилия от имени государства, монополия на которое контролировалась силовой олигархией. Сыграла свою роль также раздробленность и привычка конкурировать друг с другом: коммерческие олигархи готовы были сами "мочить" друг друга, помогая силовой олигархии. Их групповое самосознание было разрушено в ходе дефолта и последующего "броска в регионы" — как раз тогда, когда сложилось групповое самосознание противостоящих им силовых олигархов. В итоге эти последние быстро взяли под контроль коммерческую олигархию эпохи Ельцина, превратив ее членов в формальные вывески для своих собственных компаний.

Дело "ЮКОСа", показавшее, что неподчинение аппетитам силовой олигархии (не говоря уже о попытках ограничить ее коррумпированность и участвовать в политике без ее санкции) будет караться беспощадно, зафиксировало торжество "нового порядка".

Усиление контроля силовой олигархии за ключевой частью экономики неизбежно ведет к новому переделу, поскольку коррупционные аппетиты могут только возрастать, а возможности субъектов экономики их обслуживать сокращаются из-за деградации хозяйства, подавляемого коррупцией.

* * *

И силовые, и коммерческие олигархи являются бизнес-олигархами, использующими контроль над государством для получения критически значимой прибыли.

При этом коммерческие олигархи контролировали госаппарат "снаружи", ориентируясь на гражданские ведомства (управлявшие наиболее значимыми для этих олигархов ресурсами государства — имуществом и деньгами). Силые же олигархи контролируют государство в основном "изнутри", занимая государственные посты. Они нацелены не на гражданские, а на силовые ведомства, распоряжающиеся наиболее важным для них ресурсом — правом применения насилия от имени государства. Тем не менее, они остаются олигархами, т.е. действуют в интересах не общественного блага, пусть даже понимаемого превратно, но собственного, как материального, так и символического потребления. Для них характерен высокий уровень насилия в сочетании с низким порогом его мотивации, вплоть до "немотивированного насилия", характерного для деклассированных обитателей трущоб США. Страх, порождаемый силовой олигархией в силу ее образа действия, разрушает общество, экономику и саму государственность не меньше, чем в свое время деятельность коммерческой олигархии.

СУТЬ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ: ЭМАНСИПАЦИЯ БЮРОКРАТИИ

144 Подчинив крупный бизнес, правящая бюрократия завершила освобождение от контроля со стороны общества и, соответственно, от всякой ответственности перед ним. Этот был единственный процесс, прослеживающийся на протяжении всего периода реформ, и именно он должен быть признан их основным содержанием. На долгом пути эмансипации от общества бюрократия меняла лозунги, союзников и саму себя. Сначала она подняла средний класс СССР — интеллигенцию и инженерно-технических работников — на борьбу против контроля со стороны КГБ (преимущественно против его контроля за КПСС, что обеспечило поддержку последней), а затем и против самой КПСС.

Победив, она, опершись на взращиваемый ею класс мелких собственников, уничтожила в жерновах либерализации цен сам этот обеспечивший ей победу, но угрожающий своим растущим самосознанием советский *средний класс*. Затем *бюрократия создала крупных собственников и бросила их против своих вчерашних союзников — мелкого и среднего бизнеса, разрешив творить с ними все, что угодно*. Это породило массовую ненависть к олигархии, что было использовано на завершающем этапе эмансипации, когда бюрократия освободилась от последних следов общественного контроля даже в таком превращенном виде, как контроль над деятельностью коммерческой олигархии.

В 2004 г. правящая бюрократия достигла полной свободы, которая перешла в свою противоположность — зависимость от самых мимолетных изменений настроений общества, выражающихся в колебаниях рейтингов. Эта зависимость означает невозможность управления (которое может исходить из среднесрочных интересов, но не краткосрочных эмоций) и характерна для периодов сползания в кризис. Она еще не проявилась в полной мере; переход к ней, задержанный "нефтедолларовым" благополучием, продолжается.

В нынешней бюрократии доминирует силовая компонента. Она умеет (в тех редких случаях, когда хочет) наводить минимальный порядок, но *не способна к организации развития: силовиков учат другому*. Потребность продемонстрировать видимость действий делает бюрократию интеллектуальной рабы-

ней того самого бизнеса, который она подчинила, так как *только представители бизнеса имеют внятные и аргументированные пожелания*. В результате, превратив бизнес в "дойную корову", правящая бюрократия подчинила свою политику его интересам. Поэтому замена коммерческой олигархии времен Ельцина силовой олигархией не изменила социально-экономическую политику. Государству остается недоступным решение ключевых проблем экономики, что превращает переваривание нефтедолларов в "рост без развития".

Действительно: незащищенность собственности — проблема лишь для удаленного от государства бизнеса, не обладающего политическим влиянием. Для олигархов, определявших и определяющих экономическую политику, защита собственности как таковая — защита чужой собственности от их экспансии, для них противоестественная.

Хотя российская экономика сверхмонополизирована, сильнее всего монопольным положением злоупотребляет крупный бизнес, и в первую очередь - олигархи, имеющие политическое "прикрытие".

В результате ориентации крупного бизнеса на экспорт массовая бедность (по данным центра Левады, 12% населения испытывает нехватку денег на еду, 43% — на одежду, 84% — на бытовую технику) оборачивается для него не подрывом рынка сбыта, но снижением издержек. Поэтому стремление к росту уровня жизни россиян по-прежнему противоестественно для олигархов, в том числе силовых.

Тупик экономической политики усугубляется тем, что правящая бюрократия от лени и коррупции, в последние восемь лет ставшей системной, делегирует бизнесу именно те функции управления, которые никому нельзя делегировать, - разработку реформ, определение норм и правил. При этом она делегирует их именно тем, кому перепоручать это нельзя категорически — не объединениям всех участников рынка, но отдельным его наиболее заинтересованным участникам, да при этом (в силу латентного патриотизма) еще и государственным. В результате большинство реформ — электроэнергетики, железнодорожного транспорта, медицинского страхования, пенсионной, жилищной, коммунальной, образовательной сфер — служат интересам связанного с чиновниками бизнеса, а не интересам общества. При этом реформаторы к тому же подавляют частные компании, стремящиеся вести *честный* бизнес.

В поисках выхода крупный бизнес России попытался проявить инициативу. "Профсоюз коммерческих олигархов" — РСПП — взял на себя разработку экономической политики. Эта попытка провалилась из-за корпоративного эгоизма: без принуждения со стороны государства бизнес не может учитывать интересы общества.

В рамках ряда корпоративных структур возникли идеи административных, а порой и политических преобразований для повышения эффективности государства. *Бизнес начал нуждаться в стратегическом планировании общественного развития, страдая от неспособности государства справиться с этой обязанностью*. Но управленческая по своему характеру и коммерческая по мотивам мера (наиболее полно выраженная в деятельности М.Ходорковского и увенчавшаяся его арестом и разгромом "ЮКОСа") неизбежно и произвольно приобрела политический по видимости и сути характер, что обусловило жесткую реакцию государства.

Ощущая свою неспособность справляться с задачами общественного развития и чувствуя растущее в обществе недовольство, правящая бюрократия переориентировала это недовольство на коммерческих олигархов, на время обезопасив себя и укрепив контроль за крупным бизнесом.

Массовое осознание несправедливости приватизации и ее нелегитимности облегчают передел собственности и ее переход от старых, коммерческих олигархов к новым, силовым. Речь идет о переходе активов коммерческих олигархов не в управление неких "Косыгиных", преследующих общественные интересы, а под контроль "Абрамовичей в погонах", менее эффективных, более голодных и при этом сидящих *под крышей* государства и опирающихся на право применения насилия ради достижения личных целей.

Это перераспределение собственности идет не в форме национализации (при которой чиновникам надо брать ответственность за передаваемое государству имущество; кроме того, силовые олигархи неэффективны как менеджеры) и не в форме прямого передела. Обычно применяется "политика Березовского" — переориентация финансовых потоков и установление контроля над ними при формальном сохранении прав (и ответственности, что немало важно) прежних, "титовых" собственников, дополняемая принудительной перепродажей активов.

Чтобы избежать эскалации этих процессов, РСПП пытался выдвинуть идею социального контракта, но для общества она слишком напоминала взятку. Кроме того, крупный бизнес не может знать, какие социальные объекты нужны обществу (для этого есть правительство), и потому его помощь в рамках "социального контракта" заведомо неэффективна.

146

Идея социальной ответственности бизнеса выродилась в оправдание финансовой разверстки (по аналогии с продразверсткой времен "военного коммунизма"), при которой силовая олигархия указывает бизнесу, какие объекты и где тот должен построить (и с какими конкретно подрядчиками, связанными с силовой олигархией), какие средства на социальные нужды кому передать и какие партии профинансировать. При отсутствии контроля и представлений о сравнительной нужности различных социальных объектов такая практика приносит незначительный эффект, но повышает коррупцию и издержки слабо связанного с силовыми олигархами бизнеса.

Государство от имени народа могло бы навязать крупному бизнесу *компенсационный налог, успешно реализованный в посттэтчеровской Великобритании. Он мог бы взиматься не деньгами (это подорвало бы финансовое положение бизнеса), но пакетами акций: бизнесмену оставалась бы созданная им часть капитализации предприятия, а бесплатно переданное ему 10 лет назад возвращалось бы государству. Но для легитимизации итогов приватизации нужно именно сильное (а значит, честное и умное) государство. Крайне затруднительно поверить, что силовая олигархия совладеет сама с собой и сможет удержаться от уничтожения доверившегося ей бизнеса. Поэтому конфликт между бизнесом и силовой олигархией будет обостряться.*

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС: СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ ВЫХОД

Российский бизнес дискредитирован коммерческой олигархией. Но *главная беда России в другом — в разложившемся государстве.* Ведь предпринима-

теля делает олигархом именно слабое и не ответственное перед народом государство, которое навязчиво продается этому предпринимателю и этим разворачивает его.

Демократия как инструмент принуждения государства к ответственности перед обществом в России искоренена, превращена не в "суверенную но в "суверенную". Если правящая элита сознает свою ответственность перед обществом, она способна на авторитарную модернизацию, а демократия порождается затем растущим благосостоянием.

Трагедия России в том, что ее элита сформировалась в ходе осознанного разворовывания и разрушения собственной страны. Отдельные люди могли нравственно возродиться, — но не социальный слой в целом. Ответственность перед обществом просто в силу происхождения недоступна ему. Поэтому только политическая модернизация и оздоровление элиты могут открыть дорогу модернизации России. Такое оздоровление может быть вызвано только системным кризисом. Он неизбежен даже без удешевления нефти, - в силу обострения структурных проблем, износа инфраструктуры и утраты трудовой мотивации.

Время, остающееся до него, дано нам для обучения и организации. Мы должны извлечь урок из сопоставления диссидентов СССР и Восточной Европы. Те четверть века, что советские диссиденты ругали коммунистов на кухнях, их восточноевропейские собратья на точно таких же кухнях ругались между собой, выясняя, что будут делать, когда придут к власти. В итоге крах социализма застал советских диссидентов врасплох, так что они даже не смогли взять власть, — а восточноевропейские оказались готовы к проведению относительно осмысленной политики.

147

Ключ к выработке такой политики и подготовке к грядущему кризису — понимание того, что системный кризис не подарок, а катастрофа, которую можно и не пережить. Чем позже он грянет, тем глубже будет разложение общества и тем выше вероятность воспроизводства ситуации 1991 г. (а отнюдь не 1998 г.). Поэтому всякий ответственный член общества обязан прилагать все силы к его сохранению, к обеспечению целостности страны, и лишь при этом условии и в факультативном порядке, — к борьбе за возможное участие во власти в ходе кризиса.

Разница между этими приоритетами и станет границей между спасателями России и ее могильщиками, — пусть даже невольными.

Делягин М.Г. 2003 *Мировой кризис. Общая теория глобализации.* М.: "Инфра-М".